

Кусочек Волковской сцены в награду

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Однажды, в канун празднования Международного дня театра, в академическом театре драмы имени Волкова чествовали Маргариту Георгиевну Ваняшову. К тому времени она уже была академиком Российской академии естественных наук (РАЕН), доктором филологии, профессором, заслуженным работником культуры, автором двух с половиной сотен публикаций по проблемам театра и литературы, десятка книг... Словом, ко дню чествования 30-летия своей творческой деятельности Маргарита Георгиевна Ваняшова подошла известным и признанным всеми человеком. Однако когда Владимир Воронцов, бывший в ту пору главным режиссёром театра, поинтересовался у юбилярыши, что та хочет получить в подарок (имелись в виду цветной телевизор или оснащённый по последнему слову техники велосипед – героиня нашего рассказа всегда любила велосипедную езду), Ваняшова попросила... кусочек старой Волковской сцены. Когда-то, будучи юной девушкой, страстно влюблённой в театр, она прочла, что одного из известных актёров наградили щепкой от Волковской сцены. С тех пор больше трёх десятилетий она грезит именно о такой награде.

Трогательная мечта Маргариты Ваняшовой сбылась, и сегодня на самом почётном месте в её доме лежит кусочек старой сцены: размером не больше книги, в центре – красная черта, означающая границу занавеса.

– Этот кусочек мне безумно дорог, потому что хранит энергетику великих актёров Волковской сцены, тех людей, которых я любила и люблю, – говорит Маргарита Георгиевна.

ЦВЕТОЧКИ И ИВОВЫЙ ПРУТ

Род Ваняшовых – ивановский, все родственники по маминской линии (ни самого отца, ни его родственников в памяти не сохранилось, поскольку мама Маргариты Георгиевны воспитывала дочь одна) «мастерской фабричный люд: трудились на коноваловских мануфактурах белильщиками, красильщиками, ткачами, прядильщиками». Бабушкина родовая деревня называлась Дягелиха, в ней-то и прошло раннее детство маленькой Маргариты.

– Бабушка Мария Викторовна, хоть и окончила лишь церковно-приходскую школу, была человеком литературно одарённым, обожала писать подробные, с множеством поэтических деталей письма. Проводя лето в Дягелихе, мы часто с нею пешком ходили в деревню Колокольцово, где родилась моя мама и где что ни двор все были Ваняшовы, родственники. По пути бабушка называла каждый цветочек-стебельчик, учила различать голоса птиц...

Однако в реальной жизни эти идиллические воспоминания имели совсем иное звуча-

ние. В бабушкином разрушенном доме в ту пору уже жить было нельзя, и мама договорилась за плату, чтобы их двоих, бабушку с внучкой, приютили на печке соседи. С ними же сговорились и о пол-литре молока в день для маленькой Маргариты.

А вот хлеба городским жителям, какими считались бабушка с Маргаритой, в сельпо не продавали. Но заработать тот хлеб было можно. И вот бабушка поднимала крохотную Маргариту на зорьке, часов в пять утра, и они отправлялись «драть ивовое корьё». По оврагам, по нещадно жалеющей крапиве вплоть до палящего полуденного солнца «горожанки» заготавливали ивовый прут, за пуд (!) которого давали буханку хлеба. Труд был совершенно каторжный, детская память, очевидно, осознать и принять его как данность до конца не смогла: потому и запомнилась от той летней поры в первую очередь дорога к родственникам полем-разнотравьем да долгие рассказы бабушки.

КУДА РОДИТЕЛИ СМОТРЯТ?

Маргарита редко видела свою маму, она сутками пропадала на работе – по окончании педагогического института работала по комсомольской линии. В то время семья жила в Иванове, в общежитии обкома комсомола, но воспоминания о той поре тоже вряд ли можно назвать радужными.

– У нас была комната в общежитии коридорной системы, в коридоре лежали дрова, стояли какие-то ушаты с помоями, в один из которых я однажды угодила и всё тело покрылось ужасными волдырями. В кори-

доре круглый год сушилось бельё, и редкий день общежитие не оглашалось истошными криками хозяйки: «Украли!». Бабушка не всегда могла за мной уследить, и я ускользала с приятелями на речку. Там мы ползали по каким-то трубам, висели на перилах моста... словом, вели насыщенную приключениями жизнь. Однажды мама, возвращаясь с работы со своими товарищами, указала на одинокую, висящую на перилах детскую фигурку: «Бывают же беспечные родители, которые оставляют своих детей без присмотра. Вот посмотрите: ребёнок в любое мгновение может сорваться вниз. Безобразия!» А теперь

читать. Я начала, а она меня перебивает – «читай по складам». Не умею, говорю, я вам и так что надо прочитаю. Конфликт был страшный, меня оставили после уроков – «будешь писать письмо». Зоя Николаевна имела в виду письменные занятия – палочки, а я села и начала писать настоящее письмо: «Дорогая мамочка...». Мама тогда была в командировке в Москве «Что ты пишешь, кричала учительница, чтоб завтра же мать в школу пришла.!» К счастью, в этот же день приехала мама и сказала, что мы переезжаем в Ярославль.

Анна Дмитриевна, мама Маргариты Ваняшовой, уже

Фото из архива Маргариты Ваняшовой

представьте себе мамин ужас, когда она опознала в том ребёнке свою собственную дочь!

«МА-МА МЫ-ЛА РА-МУ» И ФЛОБЕР

Читать Маргарита научилась очень рано. В три с половиной года прочла внятно, без разделения по слогам, первую страницу романа «Мадам Бовари», дальше – про любовь – ей стало неинтересно. Детских книг не было, но был Флобер, Тургенев, по ним маленькая Маргарита и постигала мир большой литературы. Однако грамотность сыграла с ней недобрую шутку.

– В школе, в первом классе, было просто ужасно. Все дети писали чёрточки, читали по складам «ма-ма мы-ла ра-му», а я скучала. И вот учительница Зоя Николаевна вызвала меня

была собственным корреспондентом газеты «Правда» по четырём областям – Ярославской, Ивановской, Владимирской и Костромской.

НАСТОЯЩЕЕ ДЕТСТВО И МУДРОСТЬ «ХИМОЗЫ»

По словам Маргариты Георгиевны, настоящее детство началось у неё в Ярославле. Здесь девочку определили в школу № 4. Учительницу Ольгу Александровну Бенедиктову юная Маргарита просто обожала:

– ...поразительная грамотность, внутренняя культура, великий словесник... Во многом именно она меня, сегодняшнюю, создала.

В старших классах девочка истоиво увлеклась химией, даже стала победителем какой-то очень серьёзной олимпиады, по итогам которой её на-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

градили грамотой ЦК комсомола, а школу премировали огромной коробкой реактивов. Однако преподаватель химии (её в школе иначе, чем «химоза» никто не называл), вызвав девочку, сказала: «Я могла бы за твои успехи поставить шесть баллов, но не поставлю и «пятёрки» только потому, что химия – не твоё призвание, и тебе не нужно ею заниматься. Твоё – это литература и общение с людьми».

И вот что удивительно: Маргарита согласилась с её мнением, хотя на тот момент имела в активе не только победу на олимпиаде, но и не менее серьёзный взрыв во Дворце пионеров во время эксперимента по производству хлора (что лишний раз подтверждает нешуточность увлечения предметом).

ВЫГОВОР ОТ ФИРСА

В итоге Маргарита Георгиевна поступила в Ярославский педагогический институт. На этот же период приходится и время литературных «открытий»: были сняты запреты на публикацию книг Майн Рида, Вальтера Скотта, Конан Дойла, впервые был издан десяти томник Достоевского, считавшегося раньше реакционным писателем. Девушка читала взахлёб, запоём.

Но «свобода слова» коснулась далеко не всех авторов. Однажды в библиотеке, завсегдаем которой Маргарита стала, она увидела стопку книг, приготовленных к уничтожению. Наверху лежал томик Пас-

тернака. Девушка открыла наугад и прочла: «Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд./ Пока грохочущая слякоть/ Весною чёрною горит» «А можно мне взять эту книгу, раз её всё равно списывают?» – поинтересовалась она. Нельзя, отрезали в ответ, это уголовно наказуемое дело. Послушная девушка дрогнувшей рукой положила приговорённый томик на место. А потом, наблюдая, как горят инквизиторские костры, отчаянно завидовала мальчишке-приятелю, хваставшемуся, что украл одну из книг: она, воспитанная мамой в строгости, не посмела.

К тому времени Маргарита уже была человеком театра, влюбившись в этот чарующий мир раз и навсегда. Актрисой стать не хотела никогда – была слишком зажата, да и трезво оценивала свои актёрские способности. Маргарита писала, и весьма успешно, свои первые театральные рецензии, публиковала их в газете «Юность».

Пропадая каждый вечер в театре, фотографировала спектакли, постигая азы фоторепортёрской работы. Однако страсть проникнуть в театр за пределы литерной логи становилась всё сильнее, и это желание подтолкнуло девушку к совершению достаточно дерзкого поступка.

Театр готовился к ответственным гастролям в Одессе, и Маргарита Ваняшова, придя к Фирсу Шишигину, возглавлявшему театр, попросила взять её с собой (на её счету уже была аналогичная поездка – в качестве корреспондента

годом ранее она освещала гастроли Волковского театра по Ярославской области).

– «Я возьму тебя, девочка, ответил мне Фирс, – но и ты мне скажи: если мы будем гореть синим пламенем и пойдём с узелком по шпалам, поделишь ли ты с нами этот путь?» Из той страстной тирады Фирса я ничего не поняла, потому как про героев пьесы «Лес», актёров Счастливецова и Несчастливцева, путешествующих по дорогам с узелком за плечами, я ещё и в помине не слышала, но на всякий случай ответила утвердительно. Меня взяли на гастроли, и всё было просто замечательно, мне даже доверили выходить на сцену – в одной пьесе я изображала девушку, пришедшую в библиотеку менять книги. Но без прокола не обошлось. Один из спектаклей наш театр играл в легендарном Одесском оперном театре, убранство которого было поразительно красивым. И вот, рассматривая декоративные панели на потолке, я так увлеклась, что практически вышла на сцену, в то время как оркестр уже настраивал свои инструменты и в зале собирались первые зрители. На следующий день на доске приказов появилось распоряжение: объявить выговор корреспонденту газеты «Северный рабочий» Маргарите Ваняшовой (я поехала в командировку от газеты) за нарушение трудовой дисциплины, едва не приведшей к срыву спектакля. Я чуть не умерла со стыда, все потешались над моим отчаянием, одно меня успокаивало: Фирс Ефимович выговоры раздавал круто, точно солью огурец посыпал – одной актрисе, например, объявили выговор за то, что она на южном солнышке загорела, а ей белокожую купчиху предстоило играть.

...Прошли годы, и Маргарита Георгиевна Ваняшова (у неё, кстати, сегодня юбилей, с которым газета её и поздравляет) стала признанным человеком не только в академическом театре драмы имени Волкова.

В январе этого года Российская академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, оценив по достоинству большую исследовательскую и просветительскую работу, которую ведёт профессор Ваняшова, вручила Маргарите Георгиевне орден Екатерины Великой I степени и диплом академика. Щёлочка литерной логи, через которую девочка, страстно влюблённая в театр, пыталась рассмотреть закулисную жизнь театра, распахнулась перед нею, точно театральные занавесы.

Лариса ДРАЧ.